

ПОЗДНИЕ БАЛЛАДЫ В. А. ЖУКОВСКОГО КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Вахидова Низора Абдузугуровна

*преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института;*

Олимова Маржона

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института.*

Аннотация. В данной статье рассматриваются структурно-семантические особенности позднего балладного творчества В. А. Жуковского, относящегося к периоду 1830-х — 1840-х годов. Автор анализирует произведения этого периода не как разрозненные тексты, а как смысловое и эстетическое единство, объединенное общими метафизическими вопросами и этическими установками. В отличие от ранних «готических» баллад поэта, в позднем творчестве акцент переносится с внешнего мистического ужаса на внутренний нравственный выбор героя и идею Божественного провидения. В работе исследуется трансформация жанровой природы баллады, которая в поздний период сближается с философской притчей и эпическим повествованием.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, русская литература XIX века, жанр баллады, семантическое единство, поздний романтизм, христианская этика, литературный цикл.

Творческая эволюция В. А. Жуковского в поздний период его деятельности представляет собой уникальный процесс синтеза философской мысли и жанровых традиций романтизма. К 1830–1840-м годам баллада в наследии поэта претерпевает существенную трансформацию, перерастая рамки простого перевода или подражания европейским образцам. В это время создаются такие значимые произведения, как «Адельстан», «Ундина», «Кубок», которые при всем своем сюжетном многообразии обнаруживают глубокое внутреннее родство.

Рассмотрение этих текстов как семантического единства позволяет увидеть в них не случайный набор сюжетов, а целостную систему взглядов зрелого поэта на природу человека и его место в мироздании. Если в раннем творчестве Жуковского доминировала эстетика «чудесного» и мистического ужаса, то в поздних балладах на первый план выходит онтологическая проблематика. Здесь автор обращается к вопросам веры, предопределения и нравственной ответственности личности перед лицом вечности. Жанровая природа поздней баллады усложняется за счет введения эпических и притчевых элементов, что превращает каждое отдельное произведение в часть масштабного метафизического повествования (1. 152). Таким образом, изучение семантического единства позднего балладного цикла позволяет глубже понять итоговые философские искания Жуковского, в которых романтический порыв к запредельному гармонично соединяется с христианской концепцией смирения и высшей правды.

Анализ позднего творчества В. А. Жуковского требует отказа от восприятия его баллад как изолированных художественных единиц. В 1830–1840-е годы поэт приходит к созданию особого типа художественного пространства, в котором сюжетные линии различных произведений оказываются пронизаны едиными семантическими токами. Это единство базируется прежде всего на глубоком этическом фундаменте, где каждое событие рассматривается сквозь призму вечности. Поздняя баллада перестает быть просто рассказом о необычайном происшествии, становясь формой философского высказывания, в котором эстетическое подчинено духовному поиску автора. Важнейшим фактором, скрепляющим поздние тексты в единое целое, является трансформация категории «чудесного» (2. 447). Если в ранних балладах вроде «Светланы» чудо носило фольклорный или декоративный характер, то в поздний период оно приобретает черты божественного откровения или провиденциального вмешательства. В таких произведениях, как «Адельстан» или «Кубок», сверхъестественные силы выступают не как внешняя пугающая стихия, а как орудие высшей справедливости. Это превращает балладный цикл в своего рода современную мифологию, где за каждым сказочным образом скрывается глубокий христианский подтекст.

Центральной темой, проходящей через все поздние баллады, становится испытание человеческого сердца. Герой Жуковского в этот период — это личность, поставленная в ситуацию рокового выбора, где на кону стоит не только жизнь, но и спасение души. В балладе «Кубок» дерзость юноши, решившегося бросить вызов морской пучине, интерпретируется не как героический подвиг в классическом смысле, а как акт гордыни. Здесь семантика подвига сталкивается с семантикой смирения, что является ключевой оппозицией для всего позднего творчества поэта.

Сюжетное единство произведений подкрепляется повторяющимися образами водной стихии и бездны. В поздних текстах вода выступает не просто как элемент пейзажа, а как граница между мирами, таящая в себе и гибель, и очищение. В «Ундине», ставшей вершиной балладного эпоса Жуковского, стихия обретает голос и душу, что символизирует неразрывную связь природного и человеческого начал (3. 287). Через образ Ундины поэт выражает идею обретения бессмертной души через страдание и любовь, что коррелирует с общей концепцией искупления в его поздней лирике. Пространственно-временная организация поздних баллад также демонстрирует единство авторского замысла. Время в этих произведениях часто теряет свою линейность, стремясь к мифологической цикличности или замирая в моменты высшего духовного напряжения. Пространство же становится вертикальным: герои постоянно соотносят свои поступки с «высшим небом» или «темной бездной». Такое вертикальное измерение позволяет автору соединить бытовую деталь с метафизическим обобщением, превращая камерную историю в универсальную притчу о человеческом пути.

Немаловажную роль в создании семантического единства играет мотив верности и обетного слова. В балладах Жуковского слово героя обладает магической и сакральной силой; нарушение обещания неминуемо ведет к катастрофе. Эта тема прослеживается в «Рыцаре Роллонге» и других переложениях, где рыцарская этика смыкается с религиозной догматикой. Для позднего Жуковского верность данному слову является единственной возможностью сохранить целостность личности в изменчивом и часто враждебном земном мире (4. 310). Языковая ткань поздних

произведений становится более прозрачной и афористичной по сравнению с ранним периодом. Поэт сознательно избегает избыточной метафоричности, стремясь к точности и весомости каждого слова. Семантическая плотность текста достигается за счет использования символов-архетипов, которые понятны читателю без дополнительных пояснений. Этот «строгий стиль» подчеркивает серьезность затрагиваемых тем и придает балладам характер торжественного богослужения или духовного наставления.

Взаимодействие человека и судьбы в поздних балладах лишается оттенка безысходности, характерного для западноевропейского романтизма. Жуковский привносит в жанр идею благого провидения, согласно которой даже трагический финал может иметь высший смысл. Страдание в его текстах рассматривается как необходимый этап очищения души, что наглядно демонстрируется в финальных сценах большинства произведений. Это превращает балладный цикл в оптимистическую трагедию, где физическая смерть героя часто означает его духовное рождение. Особое место в семантической структуре занимает образ «невыразимого», который в поздний период обретает новые смысловые оттенки (5. 256). Если раньше это была тоска по неведомому, то теперь — трепет перед величием Творца. Поэт находит способы передать присутствие сакрального через тишину, свет и паузы в повествовании. Это создает эффект присутствия высшей силы в ткани самого текста, объединяя читателя и автора в акте совместного созерцания божественной гармонии, скрытой за внешними конфликтами сюжета. Завершая анализ, можно утверждать, что поздние баллады Жуковского представляют собой уникальный пример жанрового синтеза, где фольклорная форма наполняется глубоким теологическим содержанием. Семантическое единство этих текстов свидетельствует о том, что поэт рассматривал свое творчество как единый путь к истине. Баллада в его руках стала инструментом познания высших законов бытия, а весь цикл 1830–1840-х годов — итоговым памятником русского романтизма, в котором личное переживание окончательно растворяется в универсальной правде духа.

Подводя итог исследованию позднего балладного творчества В. А. Жуковского, можно сделать вывод, что этот период стал высшей точкой духовной и творческой зрелости поэта. Рассмотрение произведений 1830–1840-х годов как семантического единства позволяет увидеть за внешним разнообразием сюжетов последовательную философскую систему. Баллада в поздний период жизни автора перестает быть лишь жанром, ориентированным на развлечение или создание мистической атмосферы; она превращается в глубокую этическую проповедь, облеченную в совершенную художественную форму. Семантическая связность текстов обеспечивается общностью тем — испытания человеческой воли, святости данного слова и неизбежности божественного суда. Трансформация жанра, осуществленная Жуковским, привела к возникновению новой формы «философского эпоса», в котором романтическое двоемирие находит свое примирение в христианской концепции мироздания (б. 284). Таким образом, поздний балладный цикл Жуковского является не просто завершением его литературного пути, но и важным звеном в развитии русской классической мысли, проложившим путь от романтических исканий к этическому реализму последующей эпохи. Целостность этого цикла подтверждает масштаб личности Жуковского как художника, сумевшего превратить переводную и заимствованную форму в оригинальный инструмент познания вечных истин человеческого бытия.

Список использованной литературы:

1. Айзикова, И. А. Жанрово-цикловое единство баллад В. А. Жуковского 1830-х годов / И. А. Айзикова // Вестник Томского государственного университета. — 2004. — № 282. — С. 143–152.
2. Веселовский, А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / А. Н. Веселовский. — Москва: Наука, 1999. — 447 с.
3. Иезуитова, Р. В. Жуковский и его время / Р. В. Иезуитова. — Ленинград: Наука, 1989. — 287 с.

4. Канунова, Ф. З. Эстетика и этика В. А. Жуковского / Ф. З. Канунова, И. А. Айзикова. — Томск: Изд-во Томского университета, 1991. — 310 с.
5. Семенко, И. М. Жизнь и поэзия Жуковского / И. М. Семенко. — Москва: Художественная литература, 1975. — 256 с.
6. Янушкевич, А. С. Этапы и закономерности творческой эволюции В. А. Жуковского / А. С. Янушкевич. — Томск: Изд-во Томского университета, 1985. — 284 с.